

**НЕОПУБЛИКОВАННАЯ СТАТЬЯ Г. М. ФРИДЛЕНДЕРА ОБ
А. И. СОЛЖЕНИЦЫНЕ**

© 2017 г. С. В. Березкина

Доктор филологических наук, старший научный сотрудник ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН.
199034, Санкт-Петербург, наб. адм. Макарова, 4,
s.berezkina@mail.ru

Дата поступления материала в редакцию 24 мая 2017 г.

**AN UNPUBLISHED ARTICLE OF G. M. FRIEDLANDER
ON A. I. SOLZHENITSYN**

© 2017 Svetlana V. Beryozkina

Doctor of Philological Sciences, Senior Researcher
at the Institute of Russian Literature (the Pushkin House) of the RAS,
Makarov Embarkment 4, St. Petersburg, 195426, Russia
s.berezkina@mail.ru

Received by Editor on May 24, 2017

Статья Г.М. Фридлендера “Александр Генис против Солженицына”, не опубликованная при жизни ученого, написана в связи с полемикой вокруг нью-йоркской речи А.И. Солженицына 1993 г. (впоследствии текст речи печатался под заглавием “Игра на струнах пустоты”). Статья Г.М. Фридлендера является одним из отголосков начавшегося в научно-критической печати обсуждения проблем постмодернизма на русской почве.

The article of G.M. Friedlander “Alexander Genis against Solzhenitsyn,” not a lifetime publication of the scholar, was written in response to the controversy surrounding the New York speech of A.I. Solzhenitsyn in 1993 (subsequently the text of the speech was printed under the title “Playing on the strings of emptiness”). Friedlander’s article echoes the discussion, which had originated in scholarly critical press, of the problems of postmodernism as a phenomenon on the Russian soil.

Ключевые слова: публицистика А.И. Солженицына, архив Г.М. Фридлендера, традиции русской классической литературы, постмодернизм.

Keywords: opinion journalism of A.I. Solzhenitsyn, archives of G.M. Friedlander, traditions of the Russian classical literature, postmodernism.

Архив выдающегося ученого, многолетне-го сотрудника Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, академика Георгия Михайловича Фридлендера (1915–1995) был передан в Рукописный отдел ИРЛИ в 2014 г. Более всего он известен как руководитель выходившего в 1972–1990 гг. академического издания Ф.М. Достоевского. В его архиве (РО ИРЛИ, ф. 929) нами была обнаружена неопубликованная статья о выдающемся русском писателе А.И. Солженицыне (1918–2008), столетие со дня рождения которого мы будем праздновать в следующем году. Нельзя сказать, что эта работа не была подготовлена другими научными занятиями исследователя. В 1993 г. в журнале

“Русская литература” (№ 1) вышла блестящая статья Фридлендера “О Солженицыне и его эстетике”, посвященная повести “Один день Ивана Денисовича” (1962). Уже эта статья показывала, насколько исследователю был близок по своим эстетическим принципам Солженицын. В творчестве Солженицына ученый усматривал глубинное родство принципов изображения русской жизни и ответственности за свое художественное слово с теми писателями, о которых он писал на протяжении всей своей жизни.

Неудивительно, что Фридлендер захотел включиться и в полемику вокруг речи Солженицына на присуждении ему награды американского

Национального клуба искусств. Речь была оглашена в Нью-Йорке 19 января и напечатана 7 февраля 1993 г. в “The New York Times Book Review”. Вскоре, в апрельском номере журнала “Новый мир”, она появилась и на русском языке (впоследствии печаталась под заглавием “Игра на струнах пустоты”). Речь Солженицына заканчивалась призывом, обращенным к деятелям искусств: “Если мы <...> перестанем дорожить великой культурной традицией предшествующих веков и духовными основами, из которых она выросла, — мы поспособствуем опаснейшему падению человеческого духа на Земле <...> И даже в тяжело больной России — мы с надеждой ждем, через какой-то срок обморока и молчания, — оживающего дыхания русской литературы, а затем и прихода свежих сил, наших младших братьев” [1, т. 3, с. 389].

Статья Фридендера писалась как полемический отклик на статью в московской газете “Сегодня” (6 апреля 1993 г.) “Солженицын против постмодернистов” Александра Гениса,¹ назвавшего нью-йоркскую речь эстетическим манифестом писателя. Эту речь А.А. Генис уподоблял его программному выступлению “Как нам обустроить Россию?” (1990). В своей статье он касался и жизненного поведения писателя, которое расценивал как в высшей степени обдуманное и рассчитанное на усиление эффекта в воздействии на российское общество.

Статья Г.М. Фридендера была отправлена в “Литературную газету”, но отклонена ее редакцией, поскольку согласиться с высказываемым в ней мнением, будто А.А. Генис дал “извращенное” представление о солженицынской речи, было нельзя. Это было концептуальное выступление критика, стоящего на иных, нежели А.И. Солженицын, философско-эстетических позициях. Статья Г.М. Фридендера была субъективна, поскольку упреки в отсутствии знаний из области постмодернизма в адрес А.А. Гениса (а это основная тема его литературно-критических выступлений!) были, конечно же, в высшей

степени несправедливы. О самих понятиях “авангард”, “соцреализм”, “постмодернизм”, затрагиваемых Фридендером в статье, Генис вскоре обстоятельно написал на страницах “Иностранной литературы”, как бы отвечая автору неопубликованной статьи и при этом, кстати, вновь упоминая выступление Солженицына [3]. Статья Фридендера, несомненно, несет на себе налет стилистики “борьбы с чуждыми буржуазными учениями” из тогда еще столь близкого советского прошлого. Тем не менее, она интересна с точки зрения как позиции ученого, так и полемики того времени вокруг имени Солженицына.

В “Литературной газете” отклик на речь Солженицына появился только 26 мая 1993 г. Автором его был П.В. Басинский, отметивший, что речь Солженицына “не привела к обычному расколу внутри интеллигенции”, поскольку “литературная борьба в России кончилась”. По мнению Басинского, для писателя спор с постмодернизмом — не частное явление, и он едва ли не единственный, кто “не оставил веры в особую миссию русской классики и не видит ей альтернативы на нашей почве”. Это убеждение было в высшей степени близко Фридендеру, для которого раскрытие художественно-нравственного потенциала русской классики было делом всей жизни.

Казалось бы, обмен мнениями по поводу нью-йоркской речи Солженицына был весьма незначительным, а между тем ее появление оживило именно в 1993 г. ту полемику о постмодернизме на русской почве, которая, вновь вспыхнув, продолжалась до конца девяностых годов. О постмодернизме как разложении, гибели, падении традиционной культуры писали в своих статьях И.Б. Роднянская, Р.А. Гальцева, С.Б. Рассадин, П.В. Басинский и многие другие [4, с. 651–661]. Попытка Г.М. Фридендера высказаться по этому вопросу в связи с нью-йоркской речью Солженицына была связана с ощущением растущей актуальности для историко-литературного процесса темы постмодернизма.

Статья Фридендера включает в себя не привычный для него стилистический нюанс сочувственного размышления о том, что связано в жизни и творчестве с верой в Бога. Известно, что академик принадлежал к числу убежденных марксистов и был автором выдержавшей три издания (1962, 1968, 1983) монографии о “вопросах литературы” в наследии Маркса и Энгельса (к этому надо добавить еще и книгу “Классическое эстетическое наследие и марксизм”, 1985). Может быть, не привычные для Фридендера стилистические обороты проникли в его статью из речи

¹ Александр Александрович Генис (род. 1953) — русский писатель, литературовед, критик, деятель диссидентского движения (с 1977 г. в США), радио- и тележурналист, автор многочисленных книг (ряд из них совместно с П.Л. Вайлем). О Солженицыне Генис и Вайль писали не однажды, отдавая должное его таланту; наиболее важный для их позиции вывод выражался в том, что “современная русская литература развивается не под влиянием Солженицына”, поскольку переключилась “на экспериментальные эстетические категории” [2, с. 17–18]. Насколько нам известно, статья “Солженицын против постмодернистов” не переиздавалась, поэтому далее цитируется по газетной публикации.

Солженицына? Конечно же, связь с идеями писателя прослеживается, но автор статьи был самостоятелен, когда писал и о том, что убеждения Солженицына не расходятся “ни с Божественным Писанием, ни с художественными заветами” русских писателей, и о “необходимом чувстве ответственности, возложенной на него (писателя) Богом”, и о “Божественном Промысле”, и, наконец, о неприемлемом для него, автора статьи, утверждении, будто “искусство безразлично к Богу и человечеству” (все это нет в речи Солженицына).

Изменение стилистики в статье академика можно было бы списать на конъюнктурные соображения и желание более соответствовать новым идеологическим веяниям. Однако дело было серьезнее, и об этом говорит одна из записей, сохранившихся в архиве Г.М. Фридендера. Готовясь к закрытию конференции в петербургском Музее Достоевского 11 ноября 1993 г., Фридендер набросал план выступления, назвав его своим “завещанием” (“79 лет, вероятно, я последний раз принимаю участие в конференции. Прошу выслушать внимательно”). Прочитываем лишь два его пункта: “Призыв к единству. Страна раздирается противоречиями. Нельзя их допустить. Надо сохранить традицию” (имелось в виду, конечно же, достоевское ведение); и в самом конце: “Папа римский о марксизме. Наша история”.

Напоминание участникам конференции о папе римском Иоанне Павле II (1920–2005) было продиктовано недавними событиями.² В сентябре 1993 г. Иоанн Павел II посетил с визитом Литву, Латвию и Эстонию. Отклики на эту поездку в российских СМИ (“Литературная газета”, “Правда”, “Независимая газета”, “Московские новости”) были разноплановыми, большей частью негативными. В них, наряду с сообщениями о встречах, богослужениях и разного рода мероприятиях, подчеркивалось, что Иоанн Павел II пытался примирить экс-коммунистов с “новыми” националистами, призывая их к миру.

К 1993 г. Иоанн Павел II, теолог и религиозный философ, был уже заметной фигурой в научно-культурном пространстве России. Его активно издавали, о нем писали, с публикацией

переводов, на страницах академических журналов, таких как “Вопросы философии” и “Вопросы истории”. Один из выдающихся трудов Иоанна Павла II – энциклика “Сотый год” (“*Centesimus annus*”, 1991), посвященная юбилею энциклики папы Льва XIII “Новые веяния” (“*Regum novarum*”, 1891) – основания всей христианской социологии. В “*Centesimus annus*” был дан анализ такого колоссального исторического явления, как падение социалистической системы.

Иоанн Павел II многократно писал в своих творениях о коммунистической идеологии. Воззрения Иоанна Павла II в этой области изучались исследователями во всем мире, нередко указывавшими на его близость к марксизму. Польский религиовед-марксист Д. Танальский в своей книге о нем, появившейся в 1986 г., утверждал, что “в теории труда и капитала Иоанна Павла II ничего нет от марксизма, тогда как там есть многое от социалистической мысли” [7, с. 28]. Иоанн Павел II считал, что коммунистическую идеологию нельзя огульно отрицать, поскольку в ней таится некая притягательная для многих общественных сил истина. Он подчеркивал виновность капиталистической идеологии в тяжелой социальной несправедливости. Однако марксизм, не чуждый духа справедливости, предлагал, по утверждению Иоанна Павла II, неверное решение проблемы личности, приводящее к ее подавлению.

В книге Танальского высказано убеждение в том, что атеизм не является основой марксизма, а лишь “его функцией, последовательно вытекающей из материализма” [7, с. 19]. В противоречие с этим утверждением, однако, вступает такое значительное явление истории христианства второй половины XX в., как теология освобождения (см. об этом: [5, с. 237–303] (раздел “Марксисты и теология освобождения”); [8]. В разное время, на разных этапах ее развития, а также в разных уголках мира (преимущественным образом, в Южной Америке) марксистские постулаты выступали на передний план в национально-освободительной борьбе, захватывавшей широкие христианские массы. Католические богословы, в первую очередь Иоанн Павел II, приложили огромные усилия к развенчанию теологии освобождения.

Полагаем, что интерес Г.М. Фридендера к теме “Иоанн Павел II и марксизм” имел широкий, не сиюминутный, применительно к 1993 г., контекст. Расширение стилистики научно-публицистического выступления за счет чисто религиозных формул, как мы видим на примере статьи “А. Генис против Солженицына”, свидетельствует о том, что марксистские убеждения не исключали

² Запись “папа римский о марксизме” могла быть связана и с Павлом VI (1897–1978), о котором колумбийский коммунист Р. Гарсия Лисарральде писал в 1979 г.: “Сегодня все говорят о христианах и марксистах, о необходимости начать диалог между ними. <...> Для некоторых католиков – это скандал. Они всегда слышали о марксизме как демонском отродье, как враге Бога. Но Павел VI говорит нам о диалоге между христианами и марксистами” [5, с. 237], см. об этом: 6).

подобной тематики. Время и историко-культурный контекст делали это возможным. Тот навык серьезного подхода к анализу религиозной проблематики Достоевского, который знаком нам по исследованиям Г.М. Фридлендера, прилагался и к религиозно-общественному движению России начала девяностых годов, не вызывавшему у него отторжения. Об этом можно судить по его выступлению в защиту Солженицына 1993 г.³

В центре отклика академика на статью А.А. Гениса был спор о месте классического литературного наследия в историческом прошлом и настоящем России. Для современного критика классика, оказавшаяся за пределами плюралистического поля, — немаловажный в идеологическом отношении фактор, питавший тоталитаризм в России. Эта идея была нестерпима для исследователя, на протяжении всей жизни борovéhoся с модернизмом.

Г. Фридлендер

А. Генис против Солженицына

Национальный клуб искусств США присудил свою годовую премию и медаль А.И. Солженицыну. В “Бук ревью” — приложении к воскресному номеру газеты “Нью-Йорк таймс” от 7 февраля 1993 года — напечатана в английском переводе речь, написанная А.И. Солженицыным в связи с этим событием. По поручению писателя, она была оглашена на церемонии вручения премии (его представляли на ней жена писателя Н.Д. Солженицына и двое из его сыновей) Игнатом Солженицыным, выполнившим вместе с другим сыном Степаном ее перевод на английский язык. Русский текст речи публикуется в № 4 московского журнала “Новый мир” (еще не вышедшим в данный момент).

Присуждение Солженицыну еще одной престижной премии через несколько лет после Нобелевской⁴ вызвало раздражение, злобу и зависть в среде его противников, гордящейся своей мнимой “широтой” и особой “прогрессивностью”

³ Это замечание тем более необходимо, что в настоящий момент критики второго академического издания Ф.М. Достоевского, выпускаемого ИРЛИ (начато в 2013 г., вышли т. 1–6), указывают исследователям, в нем работающим, на несовместимость тех дополнений по религиозной проблематике, которые они делают и которые якобы вопиющим образом противоречат марксистским убеждениям Г.М. Фридлендера, отразившимся на страницах статей и комментариев в первом издании писателя [см.: 9, с. 366–367]. В действительности же, воззрения Г.М. Фридлендера последних лет его жизни были значительно богаче этих скудных схем.

⁴ Нобелевская премия была присуждена Солженицыну в 1970 г.

литературных мнений. Наглядное свидетельство этому — появление в московской газете “Сегодня” (№ 7 от 6 апреля 1993 года), еще до выхода в свет русского текста речи Солженицына, весьма раздраженной статьи сотрудника радио “Свобода” А. Гениса “Солженицын против постмодернистов”, уже самое название которой рассчитано на то, чтобы дать извращенное представление о содержании речи писателя.

А. Генис не скрывает враждебного отношения также и к другим публицистическим выступлениям Солженицына (“Как нам обустроить Россию”, “Наши плюралисты”).⁵ Причем провозглашая себя на словах поборником “плюрализма мнений”, он возмущается тем, что Солженицын осмеливается иметь о вопросах литературы и эстетики собственное мнение, которое расходится с мнением А. Гениса, а также М. Фуко, Ж. Деррида, Ж.-Ф. Лиотара, Т.В. Адорно и других непрекращаемых, по его убеждению, авторитетов.⁶ Взгляды их, по А. Генису, в наши дни настолько импонируют человеку “прогрессивных убеждений”, что несогласие с ними является едва ли не уголовным преступлением и во всяком случае грозит современному человеку отлучением от церкви “свободомыслящих”.

В речи своей Солженицын следует давней русской традиции, основы которой были заложены еще Пушкиным, Гоголем, Толстым и Достоевским, а позднее поддержаны И.А. Буниным, Н.А. Бердяевым, П.П. Муратовым, В.Ф. Ходасевичем, В.В. Вейдле и многими другими писателями и мыслителями России и русского зарубежья. Горячо настаивая на уникальности и неповторимости творчества

⁵ Упомянув “памфлет” Солженицына “Наши плюралисты” (1983), А. Генис настаивал, что плюрализм является единственным “противоядием тоталитарному сознанию”: “Постмодернизм — это плюрализм и установка на фрагмент вместо целого. Тут-то и кроется корень разногласий Солженицына <...> не только с плюрализмом, но и с духом современности”.
⁶ Речь идет о философах М.П. Фуко (1926–1984), Ж. Деррида (1930–2004), Ж.Ф. Лиотаре (1924–1998) и Т. Адорно (1903–1969), внесших большой вклад в разработку проблем искусства XX в. А. Генис назвал Фуко, Деррида и Лиотара “столпами постмодернизма”, которые “утверждают, что виной всему является ориентация личности и общества на незыблемую иерархию ценностей, на некий духовный центр, нравственный абсолют. Именно этот самый абсолют, считают они, постоянно воспроизводит тоталитарные структуры, которые в конечном счете и привели Россию в ГУЛАГ”. Ср. в “Наших плюралистах”: «...правда во всём мировом течении одна — Божья, и все-то мы <...> жаждем именно к ней приблизиться, прикоснуться. Многообразие мнений имеет смысл, если, прежде всего, сравнением искать свои ошибки и отказываться от них. <...> Искать истинные взгляды на вещи, приближаться к Божьей истине, а не просто набирать как можно больше “разных”» [1, т. 1, с. 408].

каждого большого художника и утверждая его право на творческую свободу, Солженицын — и в этом он не расходится ни с Божественным Писанием, ни с художественными заветами едва ли не всех тех писателей и художников, творчество которых составляет гордость и славу России, — считает, что свобода художника сопряжена со столь неотъемлемым, необходимым чувством ответственности, возложенной на него Богом, а также велениями его совести и нравственного долга перед людьми. Без сознания художником его ответственности перед Богом и людьми — утверждает Солженицын — идея творческой свободы ведет к разрушению смысла искусства, к превращению художника из свободного творца в вивисектора “живой жизни” или в холодного и бездушного ремесленника, для которого верховным законом мира становится воля его личного “я”, а не Божественный Промысел, внутренние требования и законы искусства.⁷ Это, в первую очередь, доказал “социалистический реализм”, который пропагандировала в качестве своей официальной программы машина русского тоталитарного государства в течение 70-и лет своего существования.⁸ Ибо главным требованием ее было называть белое черным, а черное — белым. Однако идея “социалистического реализма”, взгляд писателя как на “инженера человеческих душ”, задача которого — в том, чтобы навеять человеку “сны золотые”, усыпляя его душу и совесть и побуждая его романтизировать насилие и террор системы ГУЛАГа, родилась не на пустом месте. Подобная художественная эквилибристика была подготовлена уже тем релятивизмом, который был распространен среди части художественного “авангарда”

⁷ Ср.: “...если мы имеем дело с <...> писателем достаточного художественного уровня, то все его произведения определяются неповторимым, уникальным сочетанием его личности, его творческих способностей и его жизненного опыта — индивидуального, а еще и национального. И поскольку такое сочетание неповторимо, то искусство <...> имеет бесконечное разнообразие и в веках, и у разных народов. <...> творчество — сознательно ли, бессознательно — не возникает без органического примыкания к созданному прежде него. Но и здоровый консерватизм, как в самом творчестве, так и в восприятии его, должен быть гибок, сохранять равную чуткость и к старому и к новому, и к уважаемой достойной традиции и к той свободе поиска, без которой не рождается будущее. Однако художник не может и забыть, что свобода творчества — опасная категория. Чем меньше ограничений он сам наложит на свое творчество, тем меньше будут и возможности его художественной удачи. Утеря ответственной организующей силы — роняет и даже разрушает и структуру, и смысл, и конечную ценность произведения” [1, т. 3, с. 383].

⁸ Следует отметить, что Г.М. Фридендер, много потрудившийся в области “марксистско-ленинской эстетики” и методологии советского литературоведения, не касался теоретических проблем такого фантома, как социалистический реализм.

начала XX века, релятивизмом, против которого выступали Лев Толстой, Вл. Соловьев, А.А. Блок, Бунин, Ходасевич, Набоков, Ахматова, А.Н. Бенуа и многие другие писатели и художники конца XIX и XX веков.⁹

Передергивая карты, А. Генис утверждает, что позиция Солженицына якобы сближает идеи его нью-йоркской речи с доктриной социалистического реализма (!),¹⁰ сознательно умалчивая о том, что именно Солженицын своими повестями и романами навсегда освободил русскую художественную литературу от служения коммунистической мамоне. На деле же как раз позиция А. Гениса в его споре с Солженицыным наглядно показывает, кто есть кто. Ибо, утверждая, что искусство может стоять по ту сторону добра и зла и что никакие эстетические и нравственные мерки к нему неприменимы,¹¹ А. Генис объективно, — хочет он этого или не хочет, — стоит на весьма опасной позиции, близкой именно пресловутому “социалистическому реализму”, утверждая (так же, как это в течение семидесяти лет утверждали адепты большевистской партийности от Луначарского до Ермилова¹² и иже с ним), что искусство безразлично к Богу и человечеству и что оно полностью освобождает художника от всякой ответственности, давая ему право кроить и перекраивать жизнь в искусстве по своей воле, подчиняя его своему диктату.

⁹ Г.М. Фридендер выстраивает историческую перспективу, отталкиваясь от высказываний А.И. Солженицына о современном релятивизме, — ср.: «Не найдя в себе прежде сил полноценно противостоять и опровергать советскую догматику, многие молодые писатели поддались теперь легкой доступному пути пессимистического релятивизма: великой ложью была коммунистическая догматика, да, — но, дескать, и никаких истин вообще не существует, и не стоит труда их искать <...> И вот сегодня в России снова стало модно — высмеивать, свергать и выбрасывать за борт великую русскую литературу, всю настоящую на любви к человеку, на сочувствии к страдающим. А для облегчения операции этого вышвыра — объявить мертвенный лакейский “соцреализм” органическим продолжением полнокровной русской литературы» [1, т. 3, с. 386–387].

¹⁰ В действительности, в статье “Солженицын против постмодернизма” этой мысли, в столь прямом выражении, нет. А. Генис пишет, что “классический соцреалистический роман был скроен по органической, реалистической, если уж прямо говорить — по толстовской выкройке”. За этим утверждением угадывалась прямая последовательность: русский классический роман — соцреализм — роман Солженицына.

¹¹ Ср. в статье Гениса: “Спор Солженицына с постмодернизмом основан на глобальных и непримиримых мировоззренческих разногласиях: Солженицын верит в единственную, абсолютную Правду, постмодернисты — нет”.

¹² Т.е. от А.В. Луначарского (1875–1933), первого наркома просвещения Советской России, до В.В. Ермилова (1904–1965), беспринципного критика и литературного функционера.

Ища себе союзников в борьбе с благородной, высоконравственной позицией Солженицына, Генис ссылается на Набокова. Злорадно ухмыляясь, он утверждает, что выдвижение Солженицыным кандидатуры Набокова на Нобелевскую премию противоречит содержанию его нью-йоркской речи.¹³ Однако дело обстоит вовсе не так. Солженицын (так же, как В.Ф. Ходасевич, Г.П. Струве и многие другие) верно видел в Набокове высокоталантливого продолжателя (а отнюдь не разрушителя) благородных традиций русской литературы, утверждавшего в своем творчестве не милые сердцу Гениса идеи современного “постмодернизма”, а идеалы Правды и Справедливости. Столь же мало доверия заслуживают ссылки Гениса на Пикассо, Стравинского, Кафку и Пруста,¹⁴ как и на других великих писателей и художников XX века, которые — к каким бы нетрадиционным, по мнению их современников, средствам они не прибегали, — так же, как Солженицын, служили своим искусством Красоте, Добру и художественной Правде, возвышающей и облагораживающей жизнь, а не их отрицанию, как полагает вслед за официальными разносчиками ходячих прописей “социалистического реализма” Генис, так и не сумевший освободиться от них даже в условиях эмиграции.

Уважение к великим художественным традициям искусства прошлого, о котором пишет Солженицын, вовсе не означает консерватизма и традиционализма, как полагает Генис. Без них, как верно указывает Солженицын, невозможно никакое истинное новаторство в искусстве. Без Веласкеса и Гойи не было бы Пикассо, как не было бы без Бальзака, Стендаля и Флобера Пруста, а без Толстого и Бунина — Набокова. Ибо, вопреки А. Генису, ничто в искусстве не возникает из ничего. И недаром творчество Солженицына (продолжившего в “Архипелаге ГУЛАГе” работу Достоевского и Чехова), автора произведений, в которых традиции русской классики гармонически слились с лучшими достижениями художников-новаторов XX века (а не таких любезных сердцу А. Гениса болтунов, как он сам и его соавтор П. Вайль). Поскольку же учиться никогда не поздно, нам остается, в заключение, посоветовать А. Генису и Вайлю ознакомиться хотя бы с такими выдающимися памятниками мировой художественной мысли XX века, как сочинения Х. Ортеги-и-Гассета или

Х. Зедльмайра, а также произведениями великих писателей нашего столетия, таких как Т. Манн, Г. Брех, С. Унсет, П. Клодель, П. Валери, Э. Хемингуэй, А. Камю, Г. Бёлль¹⁵ и многих других, ибо в споре А. Гениса с Солженицыным они, как и М.М. Бахтин, автор знаменитой статьи “Искусство и ответственность”,¹⁶ оказались бы — увы! — единомышленниками последнего, а не Гениса в той его апологии современного эклектизма, анархии, проповеди бесчеловечности, насилия и прямой безвкусицы в искусстве, адептами которой являются Генис и духовно близкие ему литераторы. Никто не может претендовать на монопольное обладание истиной — но эти верные слова Генису следовало бы, в первую очередь, отнести к самому себе, прежде чем выступать со своими филиппиками, направленными в адрес Солженицына, взгляды которого, разумеется, могут быть оспорены и служить предметом серьезного обсуждения в печати, но лишь при наличии у тех, кто берется писать о них, достаточных знаний и уважения к предмету спора, не говоря уже об отсутствии ложных амбиций и политических пристрастий.¹⁷

Для того, чтобы Генис смог всё же понять смысл тех упреков, которые Солженицын адресует представителям “художественного авангарда”, стоит напомнить ему хотя бы один пример: трагическую судьбу Маяковского и связанного с ним круга левовцев (С. Третьякова, А. Родченко¹⁸ и других). Кстати, в июле 1993 года исполняется столетие со дня рождения Маяковского, и в Сорбонне состоится конференция, посвященная ему, его поэзии и трагической судьбе.¹⁹ Авангардизм молодого Маяковского, его призыв “смазать карту будня” (“плеснувши краски из стакана”) привел его, как мы знаем, в стан приверженцев Октября и даже сделал автором таких поэм,

¹⁵ Г.М. Фридлиндер называет имена писателей, о воззрениях которых на предназначение искусства он писал в своих работах (см., например: [10]; [11], по указ. (Г. Бёлль, А. Камю, Т. Манн); [12]). Здесь же упоминаются Х. Зедльмайр (1896–1984), Г. Брех (1886–1951), С. Унсет (1882–1949), П. Клодель (1868–1955), П. Валери (1871–1945) и др.

¹⁶ Статья М.М. Бахтина “Искусство и ответственность” вышла в 1919 г.

¹⁷ Замечу, кстати, что в своей статье А. Генис смешивает столь различные вещи, как “постмодернизм” и “авангард” начала века. Поэтому уместно обратить его внимание на умную и содержательную статью о Солженицыне В. Живова «Как вращается “Красное колесо”», предостерегающее от подобной ошибки (см.: Новый мир. 1992. № 3. С. 246–249). (Примеч. Г.М. Фридлиндера).

¹⁸ Речь идет о деятелях группы “ЛЕФ” (“Левый фронт искусств”) поэте-футуристе С.М. Третьякове (1892–1937) и художнике А.М. Родченко (1891–1956).

¹⁹ Конференция “Маяковский и утопия века” состоялась в Париже в июне 1993 г.

¹³ А.И. Солженицын выдвинул В.В. Набокова на Нобелевскую премию 1972 г.

¹⁴ В статье А. Гениса говорилось: “В самом деле, так ли уж творчески бесплоден и неудачен был наш век, если он дал миру Джойса, Кафку, Пикассо, Стравинского, Шагала, Феллини, наконец, Набокова?”

как “Владимир Ильич Ленин” и “Хорошо”. Мы не ставим под сомнение искренность поэта. Но печально другое: предпочтя поэзии “шершавый язык плаката”,²⁰ отдав свое творчество прославлению октябрьского переворота и Моссельпрома, Маяковский — и это верно понял Борис Пастернак — добровольно пожертвовал своим поэтическим дарованием “Летучего голландца”!²¹ Во имя принятой на себя роли “агитатора, горлана-главаря”, он всю жизнь наступал “на горло собственной песне”. Между тем, думается, он был рожден вдохновенным поэтом байроновского склада и недаром всю жизнь болел темой Любви с большой буквы, которая подспудно продолжала питать его поэтический пафос и безудержный максимализм. Следуя примеру созданного гениальным воображением Достоевского в “Бесах” Кириллова (который недаром инженер по профессии!), он отверг “живую жизнь”, красоту и поэзию ради поэтической инженерии. Это было своего рода поэтическим самосожжением, родственным самосожжению русских раскольников в эпоху Петра I, не во имя традиции, а во имя ее отрицания. Преклоняясь в душе перед поэзией Ахматовой,²² поэт бросал шумный вызов певцам соловьев и роз и воспевал “150 миллионов”, победоносно шествующих в светлое коммунистическое будущее, хотя в действительности, как он сам мучительно создавал, вокруг него торжествовало бюрократическое мещанство, роились бесчисленные Пьеры Скрипкины и ревностные партийные “боссы” — Победоносиковы.²³

В отличие от Солженицына, Генис не сумел извлечь уроков из этой и других подобных исторических трагедий художников-авангардистов — пути Эйзенштейна от «Броненосца “Потемкина”» до “Бежина луга” (где восхваление отцеубийства Павлика Морозова смутило даже видавшего виды “отца народов” и “вождя мирового пролетариата”) и “Ивана Грозного”²⁴ (осужденного Солженицыным в “Одном дне Ивана Денисовича”)²⁵

²⁰ Цитаты из стихотворения “А вы могли бы?” (1913) (о “карте будня”) и поэмы В.В. Маяковского “Во весь голос” (1928–1930); ниже она цитируется еще раз (“агитатора ~ собственной песне”).

²¹ “Летучим голландцем” Б.Л. Пастернак назвал Маяковского в послании к нему “Вы заняты нашим балансом...” (1922).

²² См. об этом: [13].

²³ Персонажи комедий Маяковского “Клоп” (1928) и “Баня” (1930).

²⁴ Речь идет о фильмах С.М. Эйзенштейна «Броненосец “Потемкин”» (1925), “Бежин луг” (1935–1937), “Иван Грозный” (1945).

²⁵ В “Иване Грозном” устами одного из героев повести Солженицына осуждается “гнуснейшая политическая идея — оправдание единоличной тирании” и “глумление над памятью трех поколений русской интеллигенции” [14, т. 3, с. 44].

и т.д. Отвержение авангардом 20-х годов “дворянского” и “буржуазного” искусства было сначала умело использовано Лениным, Сталиным и их подручными для укрепления своего господства, а затем он был подвергнут в СССР столь же продуманным, сознательным гонениям, закончившимся для одних из его представителей тюрьмами и лагерями, а для других остракизмом, доведением их до нищеты или самоубийства. Если бы г-н Генис дал себе время задуматься надо всем этим, как и над различием тех судеб, которые выпали в Советской России и за рубежом на долю деятелей авангарда 20-х годов, он, думается, иначе отнесся бы к предостережениям, содержащимся в нью-йоркской речи Солженицына. Пожелаем же ему проявить больше внимания к трагическим страницам истории русского авангарда: не только в России, но и в других странах, как верно сознает Солженицын; начав с призывов к свободе и братству народов, его адепты позднее зачастую скатывались не только к безверию и нигилизму, но и к самому прямому и откровенному черносотенству, о чем не следует забывать. И именно об этом напоминает в своей речи Солженицын!

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Солженицын А.И. Публицистика: В 3 т. Ярославль, 1997. [Solzhenitsyn, A.I. *Publitsistika: v 3 t.* [Opinion Journalism: In 3 Vols.] Yaroslavl, 1997.]
2. Вайль П., Генис А. Современная русская проза. Ann Arbor: Эрмитаж, 1982. [Vajl, P., Genis, A. *Sovremennaya russkaya proza* [Contemporary Russian Prose]. Ann Arbor, Hermitage Publ., 1982.]
3. Генис А.А. Треугольник: (Авангард, соцреализм, постмодернизм) // Иностранная литература. 1994. № 10. С. 244–248. [Genis, A.A. [A Triangle: (Vanguard, Socialist Realism, Postmodernism)] *Inostrannaya literatura* [Foreign Literature]. 1994. N. 10. P. 244–248.]
4. История русской литературной критики: Советская и постсоветская эпоха / Под ред. Е. Добренко и Г. Тихановой. М., 2011. (Нов. лит. обозрение. Науч. прил. Вып. СII). [Istoriya russkoj literaturnoj kritiki: sovetskaya i postsovetskaya epokha. Pod red. E. Dobrenko i G. Tikhanovoj [A History of the Russian Literary Criticism: Soviet and Postsoviet Epoch. Dobrenko, E. and Tikhanova, G., Ed.]. Moscow, 2011.]
5. Революция в церкви? (Теология освобождения): Документы и материалы / Сост. Н.Н. Поташинская; Пер. Н.Н. Поташинской и С.В. Дерюгина. М., 1990. [Revolyutsiya v tserkvi? (Teologiya osvobozhdeniya): dokumenty i materialy. Sost. N.N. Potashinskaya; per. N.N. Potashinskoj i S.V. Deryugina [A Revolution in the Church? (Liberation Theology): Documents and Materials. Compiled by Potashinskaya, N.N.; Translated by Potashinskaya, N.N., Deryugina, S.V.]. Moscow, 1990.]

6. *Лобье П. де*. Три града. Социальное учение христианства / Пер. с фр. Л.А. Торчинского; Предисл. С.С. Аверинцева. СПб., 2001. [Patrick De Laubier. *Tri grada. Sotsialnoe uchenie khristianstva. Per. s fr. L.A. Torchinskogo; predisl. S.S. Averintseva* [Three Cities. A Christian Social Doctrine. translated from French by Torchinskiy, L.A.; Foreword of Averintsev, S.S.]. St. Petersburg, 2001.]
7. [Лыкошина Л.С.] Танальский (Tanalski) Д. Бог, человек и политика. Человек в теории Иоанна Павла II = *Bóg, człowiek i polityka: Człowiek w teorii Jana Pawła II*. W-wa, 1986: Реферат. М.: ИНИОН АН СССР, 1989. [[Lykoshina, L.S.] Tanalski, D. *Bog, chelovek i politika. Chelovek v teorii Ioanna Pavla II = Bóg, człowiek i polityka: Człowiek w teorii Jana Pawła II* [God, Man and Policy. The Man in the Theory of John Paul II]. Warsaw, 1986. Abstract. Moscow, INION AN SSSR Publ., 1989.]
8. Попов А.С. Теология освобождения и марксизм: особенности синтеза // *Философские науки*. 1992. № 2. С. 32–48. [Popov, A.S. [Liberation Theology and Marxism: The Specifics of the Synthesis] *Filosofskie nauki* [Philosophy Studies]. 1992. N. 2. P. 32–48.]
9. Викторovich В.А. Академический Достоевский: Проблемы и перспективы // *Вопросы литературы*. 2015. № 5. С. 343–381. [Viktorovich, V.A. [Academic Collected Works of Dostoevsky: Issues and Perspectives] *Voprosy literatury* [Topics in the Study of Literature]. 2015. N. 5. P. 343–381.]
10. Фридлендер Г.М. Достоевский, немецкая и австрийская проза XX века // *Достоевский в зарубежных литературах*. Л., 1978. С. 117–174. [Friedlander, G.M. [Dostoevsky, German and Austrian Prose of the 20th Century] *Dostoevsky v zarubezhnykh literaturakh* [Dostoevsky in Foreign Literatures]. Leningrad, 1978. P. 117–174.]
11. Фридлендер Г.М. Достоевский и мировая литература. Л., 1985. [Friedlander, G.M. *Dostoevsky i mirovaya literatura* [Dostoevsky and World Literature]. Leningrad, 1985.]
12. Фридлендер Г.М. Философия искусства и искусство философа (эстетика Хосе Ортеги-и-Гассета) // Ортега-и-Гассет Х. Эстетика. Философия культуры. М., 1991. С. 7–48. [Friedlander, G.M. [Art Philosophy and Philosopher Art (José Ortega y Gasset Aesthetics)] Ortega y Gasset J. *Estetika. Filosofiya kultury* [Aesthetics. Culture Philosophy]. Moscow, 1991. P. 7–48.]
13. Коваленко С.А. Ахматова и Маяковский // *Царственное слово / Ахматовские чтения*. М., 1992. [Вып. 1]. С. 166–180. [Kovalenko, S.A. [Akhmatova and Mayakovsky] *Tsarstvennoe slovo. Akhmatovskie chteniya* [The Majestic Word. Akhmatova: A Scholarly Conference]. Moscow, 1992. [Вып. 1 [Iss. 1]]. P. 166–180.]
14. Солженицын А.И. Собр. соч.: В 30 т. Париж, 1978. [Solzhenitsyn, A.I. *Sobr. soch.: v 30 t.* [Collected Works in 30 Vols.] Paris, 1978.]